

ЛЕКЦИЯ КАК СОБЫТИЕ МЫСЛИ (К юбилею М. Мамардашвили)

РЫНДИН Дмитрий Геннадьевич – аспирант философского факультета РГГУ, научный редактор Фонда Мераба Мамардашвили. E-mail: witel@bk.ru.

***Аннотация.** В статье автор обращается к философии М.К. Мамардашвили, взятой в аспекте одного из ее центральных понятий, а именно понятия «событие». Предпринимается попытка рассмотрения особенностей стиля устной философской речи Мамардашвили на предмет соответствия формы содержанию: философская речь как речь о событии сама должна быть событийна. Связкой выступает фраза Л.С. Выготского: мысль не выражается в слове, а совершается в нем. Анализ во многом основывается на концепции внутренней речи у Выготского и идее философского текста как «внутренней речи открытым текстом» В.С. Библера. В статье ставится задача кратко описать, как в устной речи Мамардашвили формой не доказывается, а показывается мысль. Философия, таким образом, являет себя как предельно честное по отношению к самому себе мышление, где «как» должно отвечать «что». Мамардашвили не только высвечивает проблему события мысли, но и являет это событие нам.*

***Ключевые слова:** философия, Мамардашвили, Библер, Выготский, событие, внутренняя речь*

В первой лекции курса «Очерк современной европейской философии», прочитанном в 1978–79 гг. во ВГИКе, М.К. Мамардашвили вводит различие двух видов философских текстов: прямые, или аналитические, и косвенные, или выразительные. Это различие он поясняет через аналогию с научной статьей и проповедью. Научная статья «есть нечто, где используются определенные языковые средства выражения, посредством которых передаются некие знания или мысли о некотором объекте». Проповедь же, в отличие от научной статьи, определяется им как «передача состояния путем использования таких средств, которые наводят нас на некоторое состояние, внушают нам его» [1, с. 12]. Лекции самого Мамардашвили можно отнести к косвенным текстам, текстам, не направленным на передачу какого-либо знания (будь то «жизнь и творчество» Марселя Пруста, «учение» Декарта или Канта, «доксография» античной или современной европейской философии и т.д.), а построенным таким образом, чтобы «навести на некоторое состояние», спровоцировать сме-

щение в топос, в котором возможно событие. Как это происходит, каким образом форма (*как*) его лекции отвечает содержанию (*что*), а содержание – форме?

Прежде всего обратим внимание на язык, которым пользуется Мамардашвили. В нем практически не встречается специальной философской терминологии и не предполагается наличие у слушателя каких-либо знаний об обсуждаемых текстах. Иначе говоря, лекции рассчитаны на неподготовленных слушателей. Это подразумевает бесконечное усложнение задачи лектора, поскольку он должен говорить в ситуации, когда нет готового языка, преданных понятий, позволяющих экономить мышление. Слушатели, как и лектор, оказываются в ситуации изначальной темноты, из которой необходимо выбираться своим собственным трудом, своим усилием и *своими словами*. Таким образом, казалось бы, привилегированная позиция лектора становится весьма сомнительной, ведь он в данном случае не выступает в качестве носителя знания, которого по умолчанию нет у слушателей. «Оперирование высоки-

ми понятиями – самое большое искушение для человека, которому он охотно поддается, думая, что уже сам факт обращения к ним возвышает его. А в действительности проблема состоит в том, что понятия вообще как таковые не содержат аналитически в самих себе состояний мысли» [2, с. 31]. Все, что у него есть, – это понимание, но понимание не есть нечто готовое, понимание есть акт, который есть тогда, когда он свершается. И каждая лекция есть свершение этого акта, успешность которого ничем не гарантирована.

Это каждый раз рискованная авантюра, и ставки здесь очень высоки, ведь с самого начала постулируется, что мы имеем дело не с отвлеченными проблемами, которыми занимаются на досуге, а с проблемами жизни и смерти, имеющими непосредственное отношение к жизненным ситуациям каждого человека. От того, свершится или не свершится понимание этих проблем, зависит, ни много ни мало, дальнейший ход жизни участников разыгрываемого действия. Это именно действие – в смысле театра, со всеми связанными с ним рисками. Различие письма и устного выступления можно в этом отношении показать через различие кино и театрального представления. Если при съемках можно записать и перезаписать бесчисленное количество дублей до тех пор, пока не будет достигнут нужный результат, то в театре второго дубля нет: нечто случилось или не случилось. Кроме того, фильм, показываемый в кинотеатре, уже отчужден от режиссера, актеров и съемочной группы, это в какой-то степени готовый и окончательный продукт, в то время как театральная постановка должна вновь и вновь воспроизводиться *здесь и сейчас* перед лицом зрителей. В этом акте актеры присутствуют всем телом, они ставят себя на карту в специально организованном пространстве, где все, что они могут дать, выставлено на свет рампы и где каждый раз вновь и вновь решается, случится или нет то *событие ка-*

тарсиса, ради которого выстраивается пространство и время театра.

Лекции Мамардашвили разыгрывают драму мысли, исполняют ее свершение. Пространство лекционной аудитории организуется вокруг события мысли, здесь лектор является исполнителем, а драматургия задается онтологической ситуацией человека в мире. Слушатели же выступают в особом качестве: с одной стороны, они отстранены в силу своего молчания, они стоят на берегу потока речи, однако, с другой стороны, внимание к речи, слежение за ее ходом делает их участниками происходящего, и на них лежит главная задача – извлечь опыт, сделать вывод, усмотреть смысл. М.К. открыто возлагает эту задачу на них: «...Попытаемся сделать вывод. Только я его не смогу сделать. Вывод – как раз то, ради чего все это говорилось, – должен совершиться во всех головах» [3, с. 326]. Внимание подогревается интересом. Возможность интереса задается Мамардашвили в требовании «переноса на себя», в указании, постоянно подкрепляемом примерами, на тот факт, что предмет обсуждения имеет непосредственное отношение к каждому.

По меткому выражению Кьеркегора, «действительность – это *inter-esse* между мышлением и бытием...»; здесь внутренняя форма слова указывает на смысл интереса как «бытия-между» [4, с. 307]. Этот промежуток «между», зазор, пустота, которая должна быть заполнена актом, и есть искомое нами место события. Закон, формулируемый Мамардашвили и гласящий, что событие должно свершаться *hinc et nunc*, на свой страх и риск, – не голословное утверждение, ведь акт чтения лекции придает ему вес реально, на глазах телесно свершаемого акта, акта дления мысли один на один с аудиторией и самим собой: «...Наша мысль во времени и должна удерживаться во времени» [5, с. 200]. На основе опубликованных подготовительных материалов к лекциям [см.: 3] можно утверж-

дать, что сами тексты лекций не были прописаны, вспомогательные записи Мамардашвили скорее можно сравнить с нотным станом джазового музыканта: прописано количество тактов, ритм, размер, тональность, а все остальное – импровизация, каждый раз уникальная и на свой страх и риск исполняемая.

Речь – всегда превращенная форма. Как она превращается в речь обращающую, в речь, индуцирующую рождение, – так, что внутри этой формы помещается разрыв, пустота, зазор тайны и непонимания? Это такая со-держательная форма, которая подразумевает включение в содержание себя самого (в смысле своей темноты, своего незнания) [3, с. 822]. Это означает пойти на риск, встать перед лицом своей тени, не побояться выступить незнающим (что предполагает отказ от позиции авторитетного лектора), пройти все муки рождения мысли здесь и сейчас (а не обеспечить себя заранее написанным текстом, не спастись готовыми формулами), дать мысли вступить в борьбу с речью. В речь как превращенную форму (в которой возникает эффект тождества бытия и мышления) вносится разрыв – самим говорящим, *имеющим себя в виду* в своей историчности и конечности, разрыв, превращающий речь в речь обращающую, в орган усмотрения того, что к ней несводимо, указывающую на *всегда иное в себе*.

Мысль свершается в речи, она не содержится в ней; речь вполне может существовать и без мысли. Тут нельзя положиться на течение языка, на поток ассоциаций, речь должна постоянно вступать в соприкосновение с тем, что речью не является. Встреча речи и мысли происходит в длении, удерживании мысли в ее несводимости к речи. Удерживание требует концентрации внимания на говоримом при одновременном имении в виду уже сказанного и еще не сказанного на границе с принципиально не могущим быть высказанным. Как говорит Мамардашвили, это движение «на грани не-

понятного» [3, с. 416]. Событие мысли не есть, как часто кажется, краткий момент, секунда озарения. Оно вообще не принадлежит времени как последовательности моментов; в этом времени нет качественно-го отличия одного момента от другого, отличие задается чем-то еще, в другом пространстве-времени. Впечатление, что событие есть секунда озарения, создается в силу соприкосновения времени последовательности и времени события в точке. Это соприкосновение, на наш взгляд, аналогично соприкосновению внутренней и внешней речи, которые темпорально различны, поскольку внешняя речь имеет дело с объективированием мысли вовне (в звук, воспринимаемый в последовательности), а внутренняя речь представляет собой обратный процесс. Соприкосновение времен происходит здесь в смысле свернутости в точку внутренней речи и ее развертывания в речь внешнюю, что создает *длительность*, которую можно метафорически изобразить как непрерывное движение вокруг неподвижной точки.

У Мамардашвили лейтмотивом повторяется тема «внутреннего слова» – понятия, которое мы можем встретить в христианской традиции, например, у Августина. В контексте лекций «внутреннее слово», как и многие другие используемые им понятия из различных философских традиций, выступает скорее в качестве метафоры для иллюстрации одного из законов, по которым существует топос события, а именно: «...Должно выполняться правило “только со мной”, “только с моим присутствием” – то, что я называю невербальным, – должно выполняться в моей душе не словесно, а существованием, живым существованием... Живым Словом... Это, конечно, уже не просто жизнь, но и не слово... Это – живое Слово, или внутреннее Слово, или внутренний образ... То, что для одной точки есть что-то приходящее в нее не извне, а растущее из нее самой...» [3, с. 665]. Метафора «внутреннего слова» служит пояснением

мысли, что понятие, чувство, знание (Мамардашвили не различает эти вещи в контексте рассматриваемой им проблемы [3, с. 146]) не передаваемы внешним копированием, а должны возникнуть в самостоятельном внутреннем акте. Как мы видим, эта мысль в приведенном фрагменте выражается с оттенком этического пафоса. Законы, задающие условия возможности события, одновременно выступают у М.К. в качестве этических максим (в кантовском смысле слова). И это не случайно, ведь онтология Мамардашвили имеет четко выраженный характер *долженствования*: мир *должен* быть так устроен, чтобы были возможны события знания, понимания etc. Поэтому онтологические законы есть также законы этические. Требование совершенства усилия, запрет откладывания на потом, требование переноса на себя, остановки и кружения на *месте*, воздержания от действия (не-деяния, а-механии), чтобы приостановить пространство «общих значений» и выйти из последовательности, собирая себя в длении акта, – все это одновременно и онтологические условия возможности события мысли, вытекающие из его свойств, и этические максимы *долженствования*.

«Внутреннее слово» – память об эпифании, запечатленный и удерживаемый опыт *иного*. Это то умалчиваемое, невысказываемое, непонятное и таинственное, которое тем не менее как-то *явилось*, было дано, как-то все целиком понято. «Внутреннее слово» заключает в себе двойственность эпифании: эпифания явлена с ощущением очевидности, ясности, радости, но эта очевидность и ясность непонятны, неопределенны, таинственны для меня самого. Отсюда и амбивалентность события – как уже свершившегося и как должного еще быть свершенным. Во «внутреннем слове» мы полагаем встречу онтологии Мамардашвили и устройства его философской речи. Не является ли «внутреннее слово» в данном контексте эквивалентным единице внут-

ренней речи? Речь М.К. представляет собой напряженное держание вместе мысли и речи. Следы этого усилия можно заметить даже в расшифровках лекций – по структуре многих предложений, где на главное предложение нанизываются вводные и уточняющие предложения, связанные с главным не грамматически, а по смыслу. При выговаривании этой сложной конструкции требуется держать в уме начало главного предложения, удерживать мысль и не дать увести себя в сторону потоком автоматически возникающих в речи ассоциаций.

Владимир Соломонович Библер охарактеризовал философскую речь как движение постоянного перехода внешнего во внутреннее и обратно – по аналогии с лентой Мебиуса, как движение свертывания и развертывания [6]. Применимо ли такое описание к речи Мамардашвили? Взглянем на лекции «Психологическая топология пути». Каждая лекция выступает в качестве отдельного произведения. Зачин всегда разный: речь может начаться с описания какого-либо эпизода из романа Пруста, или – чаще – с задания определенной темы; это может быть тема «труда жизни», «впечатления», «героического энтузиазма», «внутреннего акта» и т.д. Начав движение, мысль начинает развертываться в речи, захватывая и вовлекая в свой водоворот все предыдущие и последующие темы; в ход идут Пруст, Декарт, Кант, Арто, Платон, Аристотель, Ницше, Паскаль, Кьеркегор, Маркс, Данте, Рильке, Мандельштам, Пастернак, Шестов, Бердяев, Чаадаев, Достоевский, Чехов, Пушкин, Ерофеев, Священное Писание, Веды... Задействуются поэтические образы, философские понятия, научные понятия, религиозные сюжеты, примеры из истории, политики, повседневной жизни... Весь этот водоворот крутится вокруг одного и того же понятия – понятия, которое не может быть передано, а может быть осуществлено здесь и сейчас в развертывании речи как событие мыс-

ли. В длении этого события, находясь в его топосе, Мамардашвили размечает его границы, осматривается и описывает законы, по которым этот топос существует.

Что позволяет удерживать смысл говорящего при таком пестром и разнородном содержании, что не дает ему распасться и структурирует его в качестве связного и последовательного целого? – «Внутреннее слово» как единица внутренней речи. Оно задает ритм, пульсацию внешней речи, развертывание и свертывание. В каждой лекции прослеживается несколько «заходов», подступов к предмету речи. С каждым заходом мысль развертывается и артикулируется до предела, чтобы затем вновь свернуться и вспыхнуть на следующей волне. «Внутреннее слово», предмет речи, каковым здесь является мысль о бытии, событие мысли – организует и собирает речь, движет ее подобно Луне, неподвижно зависшей над океаном и вызывающей его приливы и отливы. Представим себе это отношение через модель «преобразований Мебиуса» – пример, к которому прибегает Мамардашвили в «Лекциях по античной философии» [5, с. 155]. Элементы содержания лекций (метафоры, образы, понятия и т.д.) – это разрозненные точки на плоскости. Вне этой плоскости лежит точка «внутреннего слова». Между плоскостью и точкой помещается сфера организованного текста (в данном случае – устной философской речи). Соотнесем точки на плоскости с поверхностью сферы. При движении сферы вокруг своей оси плоскость деформируется, и все точки на плоскости, связанные со сферой идвигающиеся в соответствии с ее движением, упорядочиваются в новые замкнутые *фигуры*. Практически все употребляемые М.К. понятия есть метафоры, которые движением текста вырываются из привычных связей и организовываются в новые в свете усматриваемой мысли. Как Мамардашвили пишет в «Стреле познания», создание новой структуры требует разрушения старой путем не-

структурного акта [7, с. 89], который он в «Психологической топологии пути» также называет «анархическим элементом» [3, с. 467]. Это разрушение структур провоцируется в речи Мамардашвили набрасыванием метафор, вынуждающих слушателя постоянно совершать акт переноса той или иной вещи или ситуации в совершенно иной контекст, проводить неожиданные параллели и аналогии, а также различать то, что казалось нераздельным. Метафоры также выполняют задачу смещения «естественного» (в смысле Гуссерля) взгляда на вещи, они выступают в качестве оптических инструментов, через призму которых и через призму текста в целом все представления о внутреннем и внешнем, верхе и низе приходят в движение, все предметы смещаются с насиженных мест; то, что полагалось нами в сознании, «овнешвляется», а то, что полагалось нами в вещах, «овнутряется» [3, с. 593]. Предметы, таким образом, попадают в феноменальное пространство, где становится видна их «кентаврическая», двойственная природа: одной своей стороной это эмпирически наблюдаемые вещи, другой они уходят в скрытое пространство, где складывается тот смысл, который мы в них вкладываем. Тексты Мамардашвили – это речевое мышление, являющее своим развертыванием событие мысли в речи, их динамическое взаимодействие, и то, как он понимает феномены, прежде всего касается единицы речи – слова, которое несет в себе «кентаврическую» двойственность: это вещь, внешне воспринимаемая, но своей изнанкой обращенная к внутреннему пространству постоянно сменяющихся друг друга значений.

По выражению Библера, в философском тексте внутренняя речь дана открытым текстом [6, с. 111], то есть это речь по форме внешняя, но являющая собой структуру внутренней речи. Однако внешняя речь, и особенно речь устная, обращенная к сидящей перед тобой аудитории, несет коммуникативную функцию, кото-

рой нет в речи внутренней. Лекции Мамардашвили поэтому разворачиваются в напряженном соотношении собственно внешней речи как средства коммуникации и «экстериоризованной» внутренней речи. Это есть не прямой способ коммуникации события.

Итак, речь Мамардашвили выстраивается таким образом, чтобы индуцировать смещение в топос, в котором возможно событие. Однако, как мы помним, событие *всегда уже* произошло, в топосе же происходит его актуализация и удержание. Получается, что условием смещения является апелляция к событию, предположительно уже случившемуся со слушателем? Тогда выходит, что слушатель, не имевший подобного опыта, просто не воспримет сообщение? Нет, здесь вступает в ход символ как условие сообщаемости. Первичные символические структуры сознания как бы упаковывают в себе изначальный опыт мира, тот опыт, который всегда уже есть у человека в силу его историчности, в силу того, что он всегда уже включен в мир своим «вторым телом», он всегда уже в языке, в культуре, во всех тех формах, которые кристаллизовались до и помимо него и в которых мир дан тем, а не иным образом. Символы призваны канализировать и собирать в себе тот избыточный, не получивший формы опыт *иного*, который всегда имеет место в детстве, и прочитывать опыт эпифанический. Использование символов как следов общечеловеческого опыта и апелляция к интуиции слушателей, которая имеет своим источником личный, неартикулированный и неоформленный первичный человеческий опыт, то есть опыт разрыва, позволяют сообщению осуществиться. Символ как единица сообщения вводится в том числе в силу заключенной в нем и никогда не устранимой непонятности, свидетельствующей о бытии как всегда ином: «... Если мы чего-то не понимаем, то причиной этого является ... самостоятельность бытия того содержания,

которое символизируется. Таким образом, непонимание определяется проявлением самого бытия, которое в символе “указано”, т.е. напоминанием нам о том, что за символом стоит бытие. То есть само наше непонимание “указывает” на самодостаточность бытия (можно даже сказать, что полное понимание было бы разрушением бытия у сущего)» [8, с. 183].

Задача Мамардашвили – выявление условий возможности события мысли через *форму* выстраиваемого им текста как философской речи, в которой событие мысли свершается, *являет себя*. Именно это, на наш взгляд, является главной целью его лекционных курсов, а вовсе не понимание Пруста, понимание Канта, Декарта и т.д. Тут и возникает главное затруднение. Как мы уже подчеркивали ранее, выявление события нивелирует все различия между событиями, различия, которые задаются различиями форм, их индуцирующих. История философии трактуется Мамардашвили через отношение сделанного-несделанного, или, пользуясь терминологией Аристотеля, эргона и энергейи. Мысль, как говорит Аристотель, является энергейей, то есть деятельностью, которая одновременно есть собственная осуществленность; цель этой деятельности, ее результат – в ней самой, поэтому если я мыслю, значит – уже помыслил [9, с. 242]. Эргон же понимается как результат, положенный вне деятельности по его достижению, это готовый продукт деятельности. Феномены культуры есть эргоны, продукты, отложения, кристаллизации деятельности, ставшие инородными ей. Задача свободного исторического действия – в разрушении кристаллизации и возобновлении живой деятельности, их породившей, что, в свою очередь, рождает новые кристаллизации и т.д. Деятельность, событие – одно, различия есть лишь в ее продуктах, что выражается в различиях предметных языков. Исходя из такого подхода, Мамардашвили не ставит цель понять *другое* событие;

все тексты, к которым он обращается, выступают в качестве материала, расщепляемого для освобождения энергии его собственного события, одного-единственного длящегося события: «Все наше мышление есть один человек, мыслящий вечно и непрерывно» [10]. Тексты Пруста, Канта, Декарта и других персонажей его лекций обретают смысл, но лишь в качестве *элементов* текста Мамардашвили. Однако, как мы видим из анализа формы текста самого Мамардашвили, специфика ее построения, ее структура задают уникальность события, им индуцируемого. Различия в событиях могут быть обнаружены в формах текстов, что делает каждое событие действительно *новым, небывалым*. Тогда может открыться уникальность события в литературе, которым явился великий роман Марселя Пруста, может открыться уникальность события мысли Канта в его *отличии* от события мысли Декарта и т.д.

Однако самой возможности говорить и мыслить об этом мы во многом обязаны тому, что из темноты своего непонимания и темноты культурной ситуации Мерабом Константиновичем был пройден путь и найден *язык*, по-новому высветивший проблему смысла и понимания, — тому, что в истории свершилось-свершается (в меру собственных усилий каждого читателя) чудо события мысли Мамардашвили.

Литература

1. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, 2012. 608 с.
2. Мамардашвили М.К. Мысль в культуре // Сознание и цивилизация. М.: Логос, 2004. 272 с.
3. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
4. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к философским крохам. М.: Академический Проект, 2012.
5. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 315 с.
6. Библер В.С. Внутренняя речь «открытым текстом» (если соотнести Гегеля и Выготского) // От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
7. Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 303 с.
8. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
9. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
10. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция / Интервью с Ю. Сенокосовым. URL: mamardashvili.com/archive/interviews/continuity.html

Статья поступила в редакцию 01.09.15.

MAMARDASHVILI: SPEECH AS AN EVENT OF THOUGHT

RYNDIN Dmitry G., postgraduate in philosophy, RGGU, science editor, Merab Mamardashvili's Fund. E-mail: witel@bk.ru.

Annotation: The author deals with the philosophy of M.K. Mamardashvili from the perspective of one of its central concepts, namely the concept of «event». The article presents an attempt to review the features of style of Mamardashvili's philosophical speech with regards to the correspondence of the form and content: philosophical speech as a speech about the event should itself be event-al. The following L.S. Vygotsky's phrase acts as a guiding thread: the thought is not expressed in speech, it happens in it. The analysis is largely based on Vygotsky's concept of inner speech and ideas of philosophical text as «inner speech as an open text» by V.S. Bibler. The article briefly describes how Mamardashvili shows the expressed idea

through the very form of his speech. Philosophy, therefore, presents itself as an extremely honest thinking, where the form must correspond to content. Mamardashvili not only highlights the problem of event, but it is also an event to us.

Keywords: philosophy, Mamardashvili, Bibler, Vygotsky, event, inner speech

References

1. Mamardashvili, M.K. (2012). *Ocherk sovremennoi evropeiskoi filosofii* [Essay on Modern European Philosophy]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 608 p. (In Russ.)
2. Mamardashvili, M.K. (2004). [Thought in Culture]. *Soznanie i tsivilizatsiya* [Consciousness and Civilization]. Moscow: Logos Publ., 272 p. (In Russ.)
3. Mamardashvili, M.K. (2014). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological Topology of the Path]. Moscow: Merab Mamardashvili Fund Publ., 1232 p. (In Russ.)
4. Kierkegaard, S. (2012). *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k filosofskim krokhkam* [Concluding Unscientific Postscript to Philosophical Fragments]. Moscow: Academic Project Publ. (In Russ.)
5. Mamardashvili, M.K. (2009). *Lektsii po antichnoi filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., Merab Mamardashvili Fund Publ., 315 p. (In Russ.)
6. Bibler, V.S. (1990) [Inner Speech "As an Open Text" (If One Compares Hegel and Vygotsky)]. *От науковчення – к логике культуры: Два философских введения в двадцат'первый век* [From Wissenschaftslehre to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the XXI Century]. Moscow: Politizdat Publ., 413 p. (In Russ.)
7. Mamardashvili, M.K. (1997). *Strela poznaniya (nabrosok estestvennoistoricheskoi gnoseologii)* [Arrow of Cognition (A Draft of Natural-Historic Gnoseology)]. Moscow: Shkola «Languages of Russian culture» Publ., 303 p. (In Russ.)
8. Mamardashvili, M.K., Pyatigorsky, A.M. (2011). *Simvol i soznanie* [Symbol and Consciousness]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 317 p. (In Russ.)
9. Aristoteles (1976). *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 550 p. (In Russ.)
10. Mamardashvili, M.K. *Ideya preemstvennosti i filosofskaya traditsiya* [The Idea of Continuity and Philosophical Tradition. Interview with Yu. Senokosov]. Available at: mamardashvili.com/archive/interviews/continuity.html

The paper was submitted 01.09.15.

Рейтинг Science Index – 2013

Педагогика	3, 905
Философские науки	2,740
Вопросы образования	2,064
Высшее образование в России	1,978
Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	1,150
Высшее образование сегодня	1,145